

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр
«Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук»
Институт языка, литературы и истории Коми научного центра
Уральского отделения Российской академии наук

**ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ
НА РУССКОМ СЕВЕРЕ: ГЛОБАЛЬНОЕ
В ЛОКАЛЬНОМ ПРЕЛОМЛЕНИИ**

К 50-летию военного историка С. А. Гладких

Сыктывкар, 2025

УДК 355.48 + 94(470.1)
ББК 63.3(235.1) + 68.35(235.1)
DOI 10.19110/978-5-89606-668.0

М63 Военно-исторические изыскания на Русском Севере: глобальное в локальном преломлении. К 50-летию военного историка С. А. Гладких / под ред. С. А. Гладких. – Сыктывкар: ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2025. – 277 с.

Издание подготовлено по итогам специальной сессии «Военно-исторические изыскания на Русском Севере: проблемы источниковедения и археографии» Всероссийского научного семинара «Северная археография: вчера, сегодня, завтра», организованной при участии Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН и состоявшейся 27–29 июня 2024 г. в г. Котласе. В сборник вошли научные статьи, обзоры документов и публикации источников по военной истории Европейского Севера России. В нем представлены такие темы, как методология, источниковедение, историография и археография военной истории, военно-историческая биография и просопография, исследования по истории армии и флота, фронта и тыла.

M63 Military History Research in the Russian North: Global Aspects in Local Contexts. On the 50th Anniversary of Military Historian S. A. Gladkikh / ed. S. A. Gladkikh. – Syktyvkar: FRC Komi SC UB RAS, 2025. – 277 p.

The collection was prepared following the results of the special session «Military historical research in the Russian North: problems of source studies and archeography» of the All-Russian scientific seminar «Northern Archeography: yesterday, today, tomorrow», organized with the participation of the Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre, the Ural Branch, Russian Academy of Sciences and held on June 27–29, 2024 in the city Kotlas. The collection includes scientific papers, reviews of documents and publications of sources on the military history of the European North of Russia. It presents topics such as methodology, source studies, historiography and archaeography of military history, military historical biography and prosopography, research on the history of the army and navy, front and rear.

Рецензенты:

- А. А. Михайлов, д. ист. н., научный сотрудник научно-исследовательского отдела (военной истории Северо-Западного региона РФ) Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ
А. Ю. Емелин, к. ист. н., заместитель директора Российского государственного архива Военно-морского флота

ISBN 978-5-89606-668-0

© ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2025
© ИЯЛИ ФИЦ «Коми НЦ УрО РАН», 2025

А. В. Ганин
**«УСЛОВИЯ ТАКИЕ,
ЧТО И НЕ ТО СДЕЛАЕШЬ...»:
ПИСЬМО СУПРУГИ ГЕНЕРАЛА
В. В. МАРУШЕВСКОГО (1919)**

Аннотация. Публикация письма супруги командующего войсками Северной области генерала-лейтенанта В. В. Марушевского, сохранившегося в личном архиве генерала в Хорватии. Письмо свидетельствует о скрытых мотивах отъезда генерала из России и оставления им руководящих постов на Белом Севере в августе 1919 г. и вводится в научный оборот впервые.

Ключевые слова: Гражданская война в России, Белое движение, В. В. Марушевский, переписка

Andrey V. Ganin
**«THE CONDITIONS ARE SUCH
THAT YOU CAN DO ANYTHING...»:
LETTER FROM THE WIFE OF GENERAL
V. V. MARUSHEVSKY, 1919**

Abstract. Publication of a letter from the wife of the Commander of the Northern Region, Lieutenant General V. V. Marushevsky, preserved in the personal archive of the General in Croatia. The letter testifies to the hidden motives of the general's departure from Russia and his abandonment of leadership positions in the White North in August 1919 and is being introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: The Civil War in Russia, the White Movement, V. V. Marushevsky, correspondence

Личная жизнь и большая история... Эти сферы порой представляются слабо связанными, но на самом деле это не так. И когда личное накладывается на общественное, возникают драматические коллизии. Нередко именно личные мотивы лежат в основе тех или

иных решений и способны изменить ход событий. Перед историками в таких случаях возникает непростой морально-этический и профессиональный выбор – уклониться от публикации того, что может быть названо копанием в чужой интимной жизни, или же ради истины предать личные моменты огласке.

После непростых раздумий мы взяли на себя смелость опубликовать письмо супруги генерала В. В. Марушевского от 16 июля 1919 г. из Архангельска своему близкому знакомому по имени Петр. Этот документ почти всецело посвящен отношениям автора письма с мужем, но наряду с вопросами личных взаимоотношений содержит некоторые детали повседневной жизни белого Архангельска в 1919 г. И, что особенно важно, проливает свет на до сих пор неясный эпизод истории Гражданской войны на Севере летом 1919 г., связанный с уходом со службы командующего антибольшевистскими силами генерала Марушевского и его спешным отъездом из России. Письмо сохранилось в личной коллекции В. В. Марушевского в Хорватском государственном архиве и публикуется впервые.

Генерал-лейтенант Владимир Владимирович Марушевский (12.07.1874–24.11.1951) был видным военным деятелем России эпохи Первой мировой и Гражданской войн. Командир пехотной бригады и дивизии, направленной во Францию в Первую мировую войну, герой той войны, он стал последним начальником Генерального штаба старой России накануне, во время и после прихода к власти большевиков в октябре 1917 г. В конце года после непродолжительного ареста из-за нежелания содействовать мирным переговорам в Брест-Литовске Марушевский с супругой покинули Россию. Жили в Финляндии и Швеции. В Стокгольме в середине октября 1918 г. генерал получил телеграмму французского посла в России Ж. Нуланса с предложением отправиться на Север России и возглавить там антибольшевистские вооруженные формирования.

19 ноября 1918 г. Марушевский приехал в Архангельск и на следующий день вступил во временное исполнение должности генерал-губернатора Северной области, а также стал командующим русскими войсками Северной области¹. Пост временно исполняющего должность генерал-губернатора он занимал до прибытия в январе 1919 г. генерала Е. К. Миллера, которому, согласно исходной договоренности, должен был уступить должность. При этом Марушев-

ский сохранил за собой командование войсками. 18 января 1919 г. он был утвержден в должности командующего войсками с подчинением в организационном, но не в оперативном отношении Миллеру². В оперативном отношении Марушевский подчинялся английскому командованию.

В письме неустановленного лица из Архангельска от 30 ноября 1918 г. говорилось: «Приезд ген. Марушевского, я надеюсь, укрепит дело воссоздания армии, т. к. он обладает административными способностями и знанием военного дела. Но по должности ген[ерал]-губернатора он завален страшно работой, и приезд ожидаемого здесь генерала Миллера внесет возможность разделить труд»³. Британский генерал У. Айронсайд вспоминал, что Марушевский «произвел... впечатление человека энергичного, твердо намеренного добиться, чтобы с союзниками дела шли в полном порядке»⁴. Один из народных социалистов – членов правительства Северной области – писал, что Марушевский «живой, подвижный, энергичный, он производил впечатление человека, в значительной мере понимавшего дух революции, сменивший самодержавную идеологию – иное было его отношение к солдату, к общественности, что не мешало ему впоследствии довольно близко подойти к правым кругам Архангельска...»⁵

Марушевский энергично взялся за работу. Занимался организационными вопросами, издавал приказы, писал призывы. По мнению очевидца, «лишь только с приездом генерала Миллера и генерала Марушевского началась правильная работа. Генерал Марушевский хорошо справился с трудной задачей формирования войск в такой трудной обстановке. Будучи человеком большого ума и работоспособности, начал вводить очень энергично и твердо дисциплину. К несчастью, он скоро подорвал к себе уважение, ведя совершенно непристойный для командующего войсками образ жизни»⁶. По-видимому, речь шла о личных моментах, затронутых в публикуемом ниже письме.

Миллер не очень ладил с Марушевским, за глаза называя того из-за низкого роста «малышом»⁷. Марушевский же написал в мемуарах: «По свойствам своего характера, я совершенно не подхожу к роли начальника штаба. Я полагал, что буду недурным организатором и командующим любыми войсковыми частями и из рук вон

плохим исполнителем чужой воли, да еще в канцелярской работе, к которой у меня никогда не было склонности»⁸. В воспоминаниях он указал, что известие о скором приезде «настоящего хозяина» Миллера его несколько не обрадовало, так как он сам хотел быть создателем новой армии.

Постановлением Временного правительства Северной области от 18 апреля 1919 г. «в воздаяние особых заслуг по воссозданию русских вооруженных сил в Северной области на основе дисциплины и чувства долга» Марушевский был награжден редким орденом Белого Орла с мечами (награждение проведено в приказе Миллера от 29 апреля⁹), а 30 мая того же года постановлением того же правительства «в воздаяние особых заслуг по воссозданию русской армии» произведен в генерал-лейтенанты¹⁰. Следующий чин в тот же день получил и Миллер. Кроме того, британский король Георг V наградил Марушевского весной 1919 г. орденом Бани¹¹.

В июне 1919 г. генерал Марушевский был направлен на переговоры в Финляндию для организации взаимодействия с регентом Королевства Финляндия К. Г. Маннергеймом и главнокомандующим русскими вооруженными силами Северо-Западного фронта генералом Н. Н. Юденичем, встречался с ними, пробыв неделю в Гельсингфорсе, однако каких-либо договоренностей достичь не смог. О самоотверженной преданности Марушевского делу свидетельствует избранный им для скорейшего возвращения на Север обратный путь пешком через болота и на лодке через речные пороги¹². 8 июля Марушевский уже был в Архангельске¹³.

Что касается оставления Марушевским поста командующего, до сих пор была известна лишь официальная версия событий. Считается, что на положение Марушевского негативно повлияло то, что накануне бунта в 5-м Северном стрелковом полку, произошедшего 20 июля 1919 г.¹⁴, он побывал в нем, а затем объявил в приказе, что полк находится в блестящем состоянии¹⁵. Англичане воспользовались этим, чтобы продемонстрировать общественности несостоятельность русского командования (незадолго до этого в связи с восстанием Дайеровского батальона британское командование потерпело фиаско с экспериментом в отношении смешанных руско-английских формирований и хотело возложить за это ответственность на русских).

Когда Миллером в августе 1919 г. было принято окончательное решение оборонять Северную область и после ухода союзников, он лично вступил в командование войсками, а Марушевский был отстранен как якобы не веривший в успех. Еще одной причиной ухода Марушевского считалось падение его работоспособности, причем он сам пытался создать в глазах Миллера видимость перегруженности работой¹⁶. Марушевский описывал ситуацию со своим уходом как личную инициативу по причине переутомления и следствие объявления Миллера Верховным правителем адмиралом А. В. Колчаком главнокомандующим на Севере¹⁷.

6 августа 1919 г. штаб командующего войсками Северной области был переименован в штаб главнокомандующего всеми русскими вооруженными силами на Северном фронте, а Марушевский поступил в распоряжение Миллера. На этом завершилось длившееся восемь месяцев на Белом Севере двоевластие в войсках. Миллер издал лестный для Марушевского благодарственный приказ № 214 от 6 августа 1919 г.: «Неустанной работой и энергией генерал-лейтенанта Марушевского были созданы русские войска Северной области. Все трудности формирования регулярных частей на основе воинской дисциплины после полного разложения, внесенного в ряды бывшей доблестной русской армии, и нравственной разрухи, коснувшейся в большей или меньшей степени всех почти чинов ее, были преодолены и постепенно, начиная с декабря, наши молодые воинские части стали отправляться на фронт: сначала роты, затем и батальоны, полки, наконец, бригады становились на фронт и не одна молодецкая атака или отбитое наступление говорили нам о доблести молодых войск; в тяжелых условиях при недостатке офицерского состава, при трудности обучения в суровом климате, при спешке воспитания солдат и сколачивания рот шла эта напряженная работа, вдохновляемая генерал-лейтенантом Марушевским. Лучше других оценили всю важность этой работы наши враги; они поняли, чем им угрожает дальнейшее развитие здоровых русских полков и что в честном бою им не справиться с северными стрелками, и с весны началась усиленная подпольная работа возбуждения солдат против офицеров и против верного исполнения долга, заманивание их в большевистские сети. Лишь благодаря верному взгляду и руководству Командующего войсками в нескольких частях удалось

предотвратить эти предательские действия, и теперь, после изъятия вредных ядовитых элементов, я верю, что наши войска стоят твердо на страже интересов Родины.

Ныне, в силу указа Верховного правителя, принимая на себя непосредственно заботу о войсках и имея в виду в недалеком будущем принять на себя и руководство ими в поле, я считаю своим долгом выразить от лица службы мою душевную благодарность генерал-лейтенанту Марушевскому за все, что им сделано для воссоздания русской армии Северной области, доблестные полки которой он с Божьей помощью призван будет в скором времени вести к победе»¹⁸. Два генерала расстались со слезами на глазах.

В дальнейшем, чтобы не стеснять Миллера и не быть вовлеченным, помимо своей воли, в конфликт с ним, Марушевский покинул Север. С 23 августа он в виде своеобразной почетной отставки был направлен с особой миссией в скандинавские страны. Требовалось вербовать добровольцев для Севера в Швеции и Дании¹⁹. Однако командировка стала эмиграцией – как оказалось, родину генерал покинул навсегда. При расставании Миллер сказал Марушевскому: «Я рад, что хоть вы останетесь живы»²⁰.

По итогам своей службы на Севере Марушевский писал 9 сентября 1919 г. генералу Д. Г. Щербачеву: «После моего возвращения в Россию из Франции, страданий на должности начальника Генерального штаба, переживаний в Финляндии, бегства в Стокгольм и т. д. – я начал новую эру своей деятельности в Северной области в качестве члена правительства и организатора русской армии. К сожалению, пришлось и на этот раз поставить точку, так как, видимо, дни Северной армии, а вслед за ней и Северной области сочтены.

Целый год интенсивной работы дал возможность поставить под ружье все боеспособные элементы в крае, но все же при полном напряжении мы не могли перейти цифру в 20 000. Это maximum, до которого доходили наши вооруженные силы... Несмотря на все принимаемые меры к поднятию духа, к увеличению числа рядов, к привлечению в ряды армии добровольцев – вероятность удержания Архангельска весьма невелика...

В общем тяжело. Я так удачно начал свою работу на Севере в ноябре прошлого года. Создать все это своими руками, рискуя

подчас и головою, видеть, как все крепнет и растет, а потом дожить до момента, когда все начинает валиться, – тяжело, очень тяжело.

Несмотря на все эти переживания, я все же еще живу на остатки когда-то большого запаса душевной бодрости и в работе стараюсь обрести и хорошее настроение, и веру в лучезарное будущее России»²¹.

Публикуемое ниже письмо, по нашему предположению, проливает свет на один из значимых мотивов отъезда Марушевского с Севера. Тогда из-за адюльтера генерала едва не распался его брак, который он стремился спасти.

Марушевский был женат на дочери генерал-лейтенанта Л. И. Жигалина Юлии Леонидовне (1885–1956). Марушевские сумели сохранить свой союз, просуществовавший в эмиграции до смерти генерала. 24 декабря 1920 г. в Будапеште у них родился сын Михаил (1920–1977), ставший впоследствии писателем, журналистом и сценаристом. Генерал Марушевский, несмотря на трудности брака, любил свою супругу и заботился о ней до конца жизни, в переписке нежно называл ее «голубушкой» и «радостью родной», а сам подписывался: «Твой старый и глупый рыцарь Воля». Один из фрагментов неопубликованных воспоминаний генерала под названием «Встречи», написанный в июле 1924 г., был посвящен Марушевским «моему родному, единственному на свете другу – моей Юле».

Гражданская война, когда многие офицеры оказались оторваны от своих семей, способствовала разрушению прежних браков и складыванию новых (чаще всего с теми женщинами, с которыми офицеры вместе служили или находились в одних местах). Некоторые высокопоставленные военные одновременно имели по несколько семей (например, адмирал А. В. Колчак, белые генералы А. С. Бакич, С. Н. Войцеховский, А. И. Дутов, А. П. Перхуров, полковник Л. В. Костанди). Знаменитый генерал Я. А. Слащев ушел от супруги к сестре милосердия.

Любовные отношения порой превращались в драматические коллизии и даже влияли на боевые операции. Так, одна из возлюбленных колчаковского генерала Бакича покончила с собой или была застрелена самим генералом, другая же его систематически предавала, будучи агентом ЧК, в результате чего красные получали цен-

ную разведывательную информацию. Отряд колчаковского генерала А. П. Перхурова, по некоторым данным, попал в окружение из-за того, что в связи с капризами юной любовницы командира совершал лишь небольшие переходы²². Можно предположить, что подобная взаимосвязь личного и общественного имела место и в случае Марушевского.

Письма супруги Марушевского мужу свидетельствуют, что охлаждение отношений в паре случилось еще весной 1919 г., тем более, что они не виделись с осени 1918 г., когда генерал покинул Стокгольм и отправился в Архангельск. Как уже отмечалось, Марушевский вернулся в Архангельск из командировки в Финляндию 8 июля 1919 г. С ним приехала и супруга. Генерал жаловался ей, что Архангельск ему надоел. Но на месте выяснилось то, о чем Юлия Леонидовна подозревала и ранее – муж встретил другую женщину. Соперницей оказалась дочь героя Цусимского сражения, вице-адмирала барона Г. В. Н. Ферзена Манита Вильямовна. Она находилась на Севере вместе с мужем – гвардейским казачьим офицером, подьесаулом С. В. Болдыревым. Судьба этой семьи сложилась трагично. Болдырев был убит в 1919 г., а его супруга скончалась в 1920 г.

Публикуемое письмо составлено разъяренной, ревнующей, но любящей женщиной. Она познакомилась с соперницей и несмотря на неприязнь даже общалась с ней. Тогда же Юлия Леонидовна предложила мужу развод. В то время это было нехарактерным явлением в генеральской среде. Возможно, стремление избежать развода и стало причиной скорого отъезда Марушевского из Архангельска, буквально через месяц с небольшим после инцидента.

То, что Марушевский сумел сохранить семью, думается, стало важнейшим событием его жизни в те месяцы. Если же отъезд был продиктован личными обстоятельствами, то публикуемый документ проливает свет на причины одного из наиболее значимых и непроясненных эпизодов истории Белого движения на Севере России – ухода генерала Марушевского с поста командующего антибольшевистскими силами. Конечно, причин такого решения могло быть немало, но вопрос сохранения семьи, как можно предполагать, занимал среди них не последнее место.

Документ публикуется по современным правилам орфографии и пунктуации. Явные ошибки исправлены без оговорок. Все

даты российской истории до февраля 1918 г. приведены по старому стилю.

Выражаю благодарность д. и. н. А. Ю. Тимофееву (Белград) за содействие.

Архангельск. 16/VII.[19]19.

Милый друг Петя, наконец-то мир подписан²³, плохо ли хорошо, но подписан, и мы все теперь можем быть только русские, чему я чрезмерно рада. Передала Воли²⁴ просьбу Вашу, но думаю, что из этого ничего не выйдет, т. к. против Вас здесь большие зубы и даже вряд ли Вас возьмут в рядовые сюда. Настроение здесь бодрое и думаю, что, несмотря на временный неуспех Колчака²⁵, все будет идти хорошо. Все Ваши бумаги Володе передала. А теперь, Петя, перехожу к себе. У меня большое горе, горе, которое меня так сломило, что совершенно оторвало от Володи, и горе это непоправимо. Володя здесь за мое отсутствие жил, сошелся с некоей М^{ме} Болдыревой²⁶, дочерью адмирала барона Ферзена²⁷, теперь женой лейб-казака Болдырева²⁸. Петя, голубчик, понимаете ли Вы, что со мной было, когда я все это узнала. Я чуть с ума не сошла и сейчас брожу как тень. Это мой честный, маленький²⁹, глубоко порядочный, верно и глубоко любящий рыцарь. Прямо кошмар какой-то. Все это я еще стала узнавать по дороге, когда ехала. Затем он меня встретил в Вардо³⁰, довез до Мурманска и оттуда в Кемь, где я осталась в салон-вагоне, а он уехал послом от Сев[ерного] правительства к Маннергейму³¹ в Финляндию. Я три недели сидела в Кеми, и затем, когда он вернулся из Финляндии, мы вместе поехали в Архангельск на русском миноносце. Всю дорогу он ныл, что ему Архангельск осточертел, что он туда не хочет возвращаться и, несмотря на его нежность, я видела, что что-то не то, что-то есть. Приехав сюда, мне стало все ясно, и я пошла в открытую. Сперва я просила его вести себя приличнее, когда это не помогло, я познакомилась после моего упорства, а его требования моего знакомства с ней, с этой дамой, посадила ее завтракать с нами, проследила все, затем поехала кататься с ней в автомобиле, сказала, что мужа не люблю давно, хочу уйти от него и рада буду, если бы нашлась любящая женщина, которая развязала бы мне руки. На эту хитрость эта влюбленная дура пошла сразу и выложила мне все, т. е. все решительно и, оказывается, все

письма Володи – ложь, лгал, когда писал мне, ибо ей говорил то же самое, что писал мне, рассказывал ей обо мне, как я его обожаю, и он потому не сможет меня бросить никогда, говорил ей, что хочет от нее ребенка и т. д., Петя, чего я Вам прямо уже не могу написать. И она была так цинична, что рассказала мне все. Я напрягла все свои силы, сдавила зубы и слушала, и подавала веселым голосом реплики. Я так страдала, Петя, как никогда в жизни, у меня мутился ум. И мне при встрече, глядя в глаза, врал, врал всю дорогу, врал здесь и врет сейчас. Вернувшись домой, я сказала ему, что знаю все, и Вы бы видели это лицо, красное, возбужденное и смущенное. И на этот раз врать уже было нельзя – молчал понуро. Физику, Петя, голубчик, я бы простила. Я знаю его темперамент, но вранье и выставления меня посмешищем в маленьком провинциальном городке, где ничего скрыть нельзя, ибо все все знают и за всем следят, а он еще, несмотря на уговоры товарищей, цинично афишировал и бравировал, бывая с ней и принимая ее у себя. А Вы знаете, как я молилась на него, как верила ему и как считала его выше и чище себя. Теперь, Петя, все кончено, у меня все порвалось к нему, ничего в душе святого, все растоптано в грязи и вынесено на рынок. Я устала, и я хочу, хочу уйти от него. Он мне противен, противен и жалок.

Я послала его даме письмо такое: «Манита Вильямовна, даю развод генералу, считайте его свободным, дальше действуйте сами. Ю. М.»

Когда я ему сказала, что я его бросаю – картина была для трагикомедии специально. Он клялся, что он погибнет, сопьется, застрелится и т. д. и, наконец, плач и мольба о прощении. Я устала. Я больше не могу. Не ужас то, что он изменил, Петя, Господи, условия такие, что и не то сделаешь, но ужас то, что бахвалился мной этой бабе, нашу милую родную жизнь выносил на рынок и давал этой женщине ковыряться и удовлетворять свое любопытство рассказами обо мне, и, мол, цените, сударыня, что я такое есть муж красивой жены и для меня это, в сущности, – плевать, чего моя левая нога хочет, а она у меня во где, обожает и преданна как пес, и я ею верчу, как хочу. Петя, милый, за спиной называли меня «тетя Юля»!! Господи, да что же это, и мой Володя ее даже не остановил за это, ну прямо скажу, «богохульство». Я рву глотку каждому за малейшую критику его – а он меня позволяет насмешливо прозывать, и его благород-

ство рыцаря и душевная деликатность, на которую он так претендует, не подсказывают ему, что это же просто подлость, настоящая подлость. И если бы Вы видели, Петя, это маленькое существо, с стриженной головой и гнусавым голосом, явствующем о существовании помех в носу, и о том, что папа не совсем был в порядке некоторых органов при производстве сего экземпляра на свет. Говорят, хороши ноги, но я их не видала, ибо не опускала свои взоры низко, меня интересовал больше экстерьер. Глаза светло-серые, немножко тарашенные, очень блестящие и выраженные...³² те, вернее никакого, и за ними пустота, в чем она очень охотно созналась сама, ибо один из шармов – я не люблю мужа, мне пусто, я никого никогда не любила, и затем слезы. То есть такой трафарет, что и поручик раскусил бы, при этом сохраняет свою фамилию баронессы Ферзен и презирует казачью фамилию мужа³³ и никакого образования не имеет и ни на одном языке не говорит. Tableau³⁴, Петя, кинематографически точное, я старалась быть абсолютно беспристрастна. Вся жизнь прошла amour³⁵ и chiffon³⁶ и, вернее всего, больше было амура, чем шифона, ибо они весьма небогаты, несмотря на то, что что-то имеют в Курляндии. Самолюбия никакого, ибо чтобы фигурировать во что бы то ни стало в Архангельске и принять, не имея ничего своего, носить с чужого плеча дам то, что они ей дают из своих туалетов. Я на Иматре, Петя, ходила обтрепьем, и ни у кого ничего ни за что не брала, хотя предлагали охотно.

Одним словом, Петя, все так мало и так мелко в этой женщине и так ясно сквозило желание пристроиться, что даже охотно допуская, что Володя ей нравится, я одного не понимаю, как он мог так сам измениться и измельчать, что не увидел этого сам, когда я открывала ему глаза, и упорно продолжает рыцарствовать с ней и хамничать со мной. От прежнего Воли следа нет, или я всегда была слепа, и это был плод моей фантазии. И такой, какой он теперь, он ей ближе, чем мне, и они пара. Я или все или ничего, моя порода бабиного и не признает, а тем более partag'a³⁷. А конкурировать с ней – это прямо смешно. Нужно только посмотреть мой приезд сюда, и отношение всех к ней теперь. Кроме того, эту даму кое-кто уже с успехом кувырчал, кроме Володи, простите мне мою вульгарную образность, а он...³⁸ и посейчас и охотно верит, что он единственный, и ничего тут не сделаешь. Устала я, Петя, намучилась до изне-

можения, и мой святой огонек улетел и, помните, я Вам говорила, что это начало моего конца, чего я так боялась всегда, без огонька, без бога мне не жить и правда, Петя, я не совсем уж заурядная баба, вы все это сами видите, ибо с минимум физики привязываю Вас на максимум лет и если хочу, то отрывно от баб тоже, когда хочу и как хочу. Жить же с человеком, не любя его, не уважая его, не гореть для него – не могу и не могу. И что я делала и делаю еще, чтобы ну хоть как-нибудь вернуть самое себя и свой мираж, с этим труднее расстаться, чем с жизнью, вот уж когда действительно будет пусто, пусто до слез.

Все 40 лет насмарку, к черту, вдребезги.

Ведь не бросала же я его, когда у меня были соблазны, держала своего зверя на цепи и уверяю Вас, что когда я своего зверя спускаю, а знал это он один, то тогда только можно понять, что мне стоит его держать. И партии были лучше его материально, даже когда была замужем и не могла оторваться от него, и адюльтеры могли быть выгодные и интересные и... да мало ли какой грязи не было вокруг, сами, Петя, знаете; и несла свою вазу, любимую, родную двумя руками, и все для тебя, все для тебя, как пели когда-то Вы романс, так я для него. И что же?

*Хорватский государственный архив (HDA). HR-HAD-810. К. 1.
Подлинник. Чернила.*

¹Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО). Ф. Р-2834. Оп. 2. Д. 2. Л. 6; Ф. Р-2617. Оп. 1. Д. 6. Л. 300.

²ГААО. Ф. Р-2834. Оп. 1. Д. 37. Л. 6.

³Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-6817. Оп. 1. Д. 6. Л. 283.

⁴Айронсайд, У. Э. Архангельск. 1918–1919 / У. Э. Айронсайд // Зброшенне в небытие. Интервенция на Русском Севере (1918–1919) глазами ее участников. Архангельск, 1997. С. 258.

⁵Игнатьев, В. И. Некоторые факты и итоги 4 лет Гражданской войны (1917–1921 гг.). Ч. 1 / В. И. Игнатьев // Белый Север. 1918–1920 гг. Мемуары и документы. Архангельск, 1993. Вып. 1. С. 135.

⁶ГАРФ. Ф. Р-6817. Оп. 1. Д. 20. Л. 22.

⁷Айронсайд, У. Э. Архангельск. 1918–1919. С. 327.

- ⁸Марушевский, В. В. Год на Севере (август 1918 – август 1919 г.) / В. В. Марушевский // Белый Север. 1918–1920 гг. Мемуары и документы. Архангельск, 1993. Вып. 1. С. 196.
- ⁹ГААО. Ф. Р-2834. Оп. 1. Д. 37. Л. 77.
- ¹⁰ГААО. Ф. Р-2834. Оп. 1. Д. 40. Л. 251 об.
- ¹¹Там же. Л. 184; Рудиченко, А. И. Награды и знаки белых армий и правительств 1917–1922 / А. И. Рудиченко. М., 2008. С. 184.
- ¹²Государственный архив Мурманской области. Ф. П-102. Оп. 1. Д. 23. Л. 27; Возвращение генерала В. В. Марушевского // Мурманский вестник. 1919. 02.08. № 85. С. 3.
- ¹³ГААО. Ф. Р-2834. Оп. 1. Д. 37. Л. 197.
- ¹⁴Подробнее см.: Александрович, В. К познанию характера Гражданской войны. Бунт в 5-м Северном стрелковом полку 20 июля 1919 года / В. Александрович. Белград, 1926.
- ¹⁵Добровольский, С. Борьба за возрождение России в Северной области / С. Добровольский // Архив русской революции. Берлин, 1921. Т. 3. С. 46.
- ¹⁶Там же. С. 47.
- ¹⁷Марушевский, В. В. Год на Севере. С. 332–333.
- ¹⁸ГААО. Ф. Р-2834. Оп. 1. Д. 37. Л. 236–236 об.
- ¹⁹Заброшенные в небытие. Интервенция на русском Севере (1918–1919) глазами ее участников / сост. В. И. Голдин. Архангельск, 1997. С. 458.
- ²⁰Марушевский, В. В. Год на Севере. С. 338.
- ²¹Заброшенные в небытие... С. 457–458.
- ²²Волков, Е. В. Под знаменем белого адмирала: Офицерский корпус вооруженных формирований А. В. Колчака в период Гражданской войны / Е. В. Волков. Иркутск, 2005. С. 217.
- ²³Речь идет о Версальском мирном договоре, подписанном 28 июня 1919 г. и положившем конец Первой мировой войне.
- ²⁴В. В. Марушевскому.
- ²⁵Колчак Александр Васильевич (04.11.1874–07.02.1920) – адмирал, Верховный правитель России и Верховный главнокомандующий.
- ²⁶Болдырева (Ферзен) Манита Вильямовна (1894–1920).
- ²⁷Ферзен Ганс Вильям (Василий) Николаевич (14.05.1858–06.05.1937) – барон, вице-адмирал, герой Цусимского сражения.
- ²⁸Болдырев Сергей Владимирович (04.10.1892–1919) – подьесаул Лейб-гвардии Казачьего полка. Участник Белого движения на Севере России. Начальник штаба войск Онежского района (с 03.1919). Состоял при штабе главнокомандующего войсками Северной области (до 01.06.1919). Убит.
- ²⁹В. В. Марушевский был маленького роста.

³⁰ Варде – город в Северной Норвегии.

³¹ Маннергейм Карл Густав Эмиль (04.06.1867–27.01.1951) – российский и финляндский военно-политический деятель. Регент королевства Финляндия (1918–1919).

³² Далее пропущено неразборчивое слово.

³³ Автор письма также была дочерью казачьего генерала.

³⁴ Изображение (фр.).

³⁵ Любовь (фр.).

³⁶ Тряпье (фр.).

³⁷ От французского – делиться.

³⁸ Далее пропущено неразборчивое слово.